

Кубанский писатель

Совесть – опорное понятие русской литературы.

Д. Лихачев

№1 (68)

январь
2013 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

ПАНОРАМА

• В Краснодаре в Доме учёных с большим успехом прошёл творческий вечер Любови Кимовны Мирошниковой, члена правления краевой писательской организации, руководителя краевого литературного объединения «Верность». Многочисленным зрителям были представлены детские стихи в исполнении юных читателей, учащихся краснодарских школ и православной Воскресной школы при Кафедральном Екатерининском соборе, песни отца Михаила

В этот вечер равнодушных лиц в зале не было – все до единого прониклись светлыми чувствами к образам «Зимы», «Поэта-снеговика», «Музы», от души хохотали над историями «Сказочницы» и рассказом «Писательницы», выступлениями «детей» – действительно ребёнка и переодетого взрослого. Поставленный отрывок из «Сказа про Федота-Стрельца, удалого молодца» Леонида Филатова очаровал зрителей и доказал, что каждому поэту не чуждо актёрское мастерство:

Околота и композитора Игоря Корчмарского на стихи Любови Мирошниковой. Она познакомилась с читателями и со своим главным соавтором – Людмилой Гладковой, принявшей деятельное участие в организации вечера, на котором была и соведущей, в роли клоунессы Фантазии.

Лирические и духовно-философские стихи прозвучали в исполнении автора. Любовь Мирошникова познакомилась с новой книгой «Посланица» и принимала поздравления от друзей и читателей её таланта, приехавших в Краснодар со всего края.

• В военном училище им. Штеменко прошла Рождественская встреча военнослужащих с кубанскими писателями, в которой приняли участие В. А. Архипов, С. Н. Макарова, Ю. Г. Васин. Прозвучали стихи и песни, посвящённые теме защиты Родины, лирические произведения.

• 23 декабря в Анапе, в каминном зале ЦК «Родина» состоялся творческий вечер литературно-художественных объединений «Парус» и «Авангард – «Новогодние фантазии», на котором анапские поэты и прозаики представили театрализованную постановку на новогоднюю тему. Присутствующие окунулись в романтическую атмосферу волшебной страны под названием «Сказочная Литературия».

«Царь», «Посол», «Генерал», «Нянька» и «Царевна» настолько вошли в роли, что казалось – явились из прошлого!

Ведущей этого незабываемого вечера была потрясающая «Снегурочка», при содействии «Волшебницы» она знакомила со сказочными персонажами – «Емеля» вышел со «щукой», «Дед Мороз» с мешком подарков, а «Нежданый гость-Лесовик» с шампанским, которым угостил первые ряды зала.

Все эти действия сопровождалось музыкальными композициями в исполнении членов творческого объединения композиторов «Орфей», представших в образах «Одинокого волка» и «Снега». И зрители не остались в стороне – они оказались вовлечены в игру «Мини-боевик» и, став сказочными персонажами, прочувствовали, каково «сказку делать былью».

Путешествие в волшебную страну «Сказочная Литературия» завершилось поздравительной песней «Красной Девыцы» и приветствием «Нового года».

По окончании вечера гости уходили с хорошим настроением и подарками – разноцветными буклетами литературно-художественных объединений «Парус» и «Авангард» «Новогодние фантазии», содержащими поздравления с Новым годом и список волшебных героев, принявших участие в представлении.

СОБИНФО

СЛОВО РЕДАКТОРА

Из литературы – в жизнь...

Мне уже не раз приходилось выступать по проблеме молодежного чтения. По этой, на мой взгляд, серьёзнейшей проблеме. И я готова обращаться к ней вновь и вновь, но беда в том, что выступления и всяческие обсуждения молодежного чтения неизменно заканчиваются одним выводом – сегодня хуже, чем вчера: читают ещё меньше, адресуют юношеству свои книги ещё меньшее число авторов. И ещё меньше тиражи книг нужных и полезных нашим детям. Зато литературы разрастающейся, содержание которой – пагуба для нашего общего будущего, меньше не становится.

Как-то на одной из творческих встреч московская критикесса Ксения Молдавская призналась, что обратилась с вопросом к издателям: «Зачем и для кого они выпускают подобную «литературу»?» На что получила откровенный ответ: «Для тупого провинциального быдла». Как говорится, без комментариев. Хочу только процитировать Герцена, утверждавшего, что «цинизм выражений всегда выражает циничную душу». А разве можно допускать людей с циничной душой работать для юношества?..

Молодость – это не просто возраст, это сильнейшая жизненная энергия, от того, в каком направлении движется эта энергия, зависит судьба страны и мира. Недавно, возвращаясь из командировки, я услышала: «А вы не обратили внимание на парня, что помогал разгружать книги? Он уже четыре раза пытался покончить с собой...» Честно говоря, мальчишку я запомнила по сутулой фигуре, чёрным внимательным глазам, но, конечно, я и не предполагала, что в двадцать с небольшим лет он – потенциальный самоубийца. Я попыталась представить, почему такое происходит с ним? Он здоров, у него есть родители, друзья. Он живёт на берегу самого синего Чёрного моря, что для многих – олицетворение праздника жизни. И у него всё впереди!

...А что впереди? Какие цели у наших детей? Об этом не надо долго думать. Посмотрите на рекламу. Уж её-то дети читают, потому что

невозможно ходить по городу с закрытыми глазами. И главное слово в ней – КУПИ! Каким способом ты достанешь деньги – неважно. Но если у тебя нет средств – ты лох.

Сердобольная мамаша, пережив ужас сыновних суицидов, чтоб хоть как-то спасти дитя, предлагает ему вино. Пусть пьяный – но живой. Тема пьянства, кстати, очень и очень позиционируется в литературе, СМИ и телевидении. (Вот цитата из недавнего КВНа: «В полнолуние пьяные выпускники раздеваются донага». Мило, не правда ли? А вы, дорогие родители двадцатилетних чад, могли бы представить такую фразу, взятую из центрального эфира, в своей юности?)

И вот у меня вопрос: «За что молодому парню можно зацепиться в жизни? Что ныне главенствует в наших реалиях и в нашем искусстве?» Гедонизм. Ради наслаждений не стыдно предать и продать, ради удовольствия и развлечения можно всё – полная свобода.

И главная цель современных авторов – напугать или рассмешить читателя. Карикатурой на пафосное искусство трагедии является ныне бульварный детектив. С хеппи-эндом или нет, для школьников или домохозяйек, но имитируемые им эпизодические акты, бездумно вырванные из окружающих нас реалий, – шарлатанство в чистом виде. Это только более-менее умные, вроде акунинных и донцовых, подтрунивают обездушенных героев авторской иронией. А остальные – страшно надувают щёки и пугающе закатывают глаза. Детективами сегодня кормят, кажется, и младенцев... Весь ужас в том, что младенцы всё чаще фигурируют в криминальных сводках как объекты насилия. Вы думаете, нет связи между тотальным засилием детективщины и ужасающими преступлениями среди молодёжи?

А как расцвели у нас пародии, комедии. Ирония.... Кстатки, знают ли идеологи сегодняшней власти, что ироничность (злорадство), разрастающаяся в массовой культуре вследствие перехода с метонимической (причинной) стратегии постро-

ения произведений искусства на метафорическую (формалистскую), губительна не столько для отдельных потребителей, сколько для общества в целом? Для государства. Чем? Да атомизацией личности – отрешённостью каждого от всех. Не зря же мудрые правители взашей гнали из своих владений скоморохов и, более того, лично писали «Действа о трёх юношах в печи огненной». Ведь ось трагедии – герой, идущий на жертву «за други своя», а центр комедии – пройдоха, приватизирующий соседское.

И, как по-вашему, есть связь между атомизацией личности и эпидемией самоубийств?

Издравле героем легенды становился тот, кто оказывался впереди других: был сильнее всех, как Геракл; проникал в суть вещей, как Сократ, исследовал тайны природы, как Ньютон и Ломоносов, служил Родине, как Евпатий Колыврат. Героями становились те, кто умел преданно и беззаветно любить, дружить. Судьбы героев являлись частью духовного мира нации, влияли на чувства и судьбы людей. Лишение же народа идеалов и героев, достойных подражания, превращает нацию в скопище себязлюбив, увязанных лишь равным глотательным рефлексом.

Несомненно, книги, адресованные нашим детям и молодёжи, не должны являть собой лишь очередной изощрённый концепт, призванный ошеломлять, поражать, удивлять, пугать или смешить. Литература не может и не должна отрешиться от роли учительства, учебника жизни, из которого вырастали бы, вступали в жизнь достойные граждане, люди чести и совести, ответственные перед своей страной и своими близкими.

Вспомните Бунина, справедливо утверждавшего, что все общественные процессы начинаются у нас сначала в литературе, а потом уже переключиваются в жизненные реалии. Поэтому, пока в нашу литературу, в наше искусство не вернуться истинные Герои, мы не сможем наладить жизнь в стране.

Светлана МАКАРОВА

Вручены награды победителям краевого литературного конкурса, посвящённого 65-летию краевой писательской организации. Церемония награждения прошла в Краснодаре, в Доме учёных и инженеров.

ЮБИЛЕЙ

ЛЕЙТМОТИВ СУДЬБЫ, ПРОВЕРЕННЫЙ ЖИЗНЬЮ

Начну издали. В конце 80-х уже ушедшего века редакция литературно-художественного альманаха «Кубань», с которым я тогда сотрудничал, находилась под одной крышей с краснодарской краевой писательской организацией. О, этот Дом творческих союзов на Коммунаров, 59!..О, эти милые времена!.. Впрочем, воспоминания не о них, а о людях того времени. Точнее, о тогдашнем литконсультанте Союза писателей Александре Дмитриевиче Мартыновском. Среди блеска славы неизменно куда-то спешащих вершить великие дела Лихоносова, Знаменского или Стрыгина не сразу заметишь этого домовито-неторопливого человека. Что мы тогда о нем знали? Ну, работал главным инженером совхоза. В конце 50-х начал торить свою писательскую судьбу с публикации стихов в «Адыгейской правде», потом печатал свои рассказы в краснодарских газетах, в альманахе «Кубань»... Как характеризовал мне его для служебных контактов тогдашний заместитель главреда «Кубани» Петр Придиус: «Александр Дмитриевич – хороший человек и хозяйственник».

Тут вот какое лирическое отступление. Писатели-поэты приходят в мир со своими песнями и сказаниями о жизни и зачастую уходят, так и не открыв своего настоящего лица. То, что мы обычно знаем о писателях, говорит нам больше об их литературном

родстве, но очень мало, или почти ничего – об их так называемой «писательской сущности». Эта последняя от нас скрыта и, главным образом, потому, что скрытым от нас является творческий процесс писателя. Недаром Александр Блок писал: «Писатель – растение многолетнее... путь развития может представляться прямым только в перспективе, следуя же за писателем по всем этапам пути, не ощущаешь этой прямизны и неуклонности, вследствие постоянных остановок и искривлений». Вот и попробуем не только увидеть, но и всмотреться в ретроспективу творческого пути Александра Дмитриевича Мартыновского, встречающего ныне свое 75-летие.

Не все сразу складывалось в его писательской судьбе. Была критика первых произведений, но обходным вниманием он не был. Те, кто знаком с его творчеством долго, кто знал его произведения хорошо, отмечали уже в ранней повести «Трудное поле» чувство сопричастности ко всему, что происходило рядом. Колорит родных мест стал главным героем его повести, он высвечивала и характер автора, и характеры персонажей, столь дорогих ему. Рассказчик не поучает, помня, что читатель не терпит поучений, но мягко и неназойливо, почти незаметно для него подводит к основному человеческому бытию – к отзывчивости, самоотверженности, любви к ближнему и выражению себя в открытых поступках, к постепенному осознанию конечной истины, что для подлинной свободы и счастья, для утешительного существования человеку необходимо больше отдавать, чем брать. Кто-то ещё осуждал «некую шероховатость языка повествования», но никто не осмеливался уже обвинять автора в неискренности или прилизанности жизненных коллизий. Потом, через годы, но именно об этом коллега Мартыновского по писательскому цеху Евгений Нестеренко скажет: «Для меня Александр Мартыновский – человек из нашей крестьянской семьи, из гущи народной. И пишет о том, чем живет народ, о чем душа болит народная, и о чем прекрасном ей мечтается, несмотря ни на что...»

В конце 80-х, когда по стране с победными фанфарами шла перестройка (позже народом метко переименованная в катастрофу), Александр Дмитриевич Мартыновский издает свой сатирический роман «Спираль». Нет, конечно, это произведение не стало карбонарским призывом изжить

политическое рукоблудие чиновничества, но это были честные слова человека и писателя, пытающегося осмыслить происходящее. Именно в это время устами литературной критики Мартыновский получает звание «мастера гротеска», которое подтверждает в 1992-м криминально-фантастическим романом «Оборотни». Стороны жизни, о которых повествует роман, действительно, на грани фантастического. А поступки многих героев книги и криминальны, и фантастичны одновременно. Автор чуть-чуть заглядывает вперед, он как бы предупреждает, что в ближайшем будущем события в обществе могут развиваться так, а могут даже превзойти показанное. Увы, многое из этих фантазмагорических химер действительно стало реальностью сегодняшних дней России. Но скажу прямо, мне милее бытописание Мартыновского другого плана. Потому как вторым Зощенко стать архитрудно, а потерять свой голос и свою тему просто.

Главное в Александре Дмитриевиче Мартыновском, как сказал кто-то из коллег, – он писатель русский. С этим не поспоришь – и дело, понятно, не в графе «национальность». Дело в мироощущении жизненных связей. Из каждой судьбы, из каждой ситуации писатель Мартыновский пытается вынести свой урок, который затем добрым словом звучит в его книгах.

Вот, к примеру, одна из любимых мной книжек прозы Александра Дмитриевича – сборник рассказов «Последняя осень». Я читатель лирической прозы достаточно искушенный, но эти повествования смогли многое открыть мне по-новому. Вот уж действительно готов – обеими руками! – присоединиться к мнению Виктора Логинова, отзывавшегося о Мартыновском так: «Я хорошо завидую этому писателю, обладателю богатейшего запаса жизненных наблюдений. Мне кажется, он неисчерпаем...»

Действительно, однажды человека посещает чувство, что он – лишь небольшое звено в цепи сменяющихся друг друга поколений; он с особой остротой начинает ощущать длину пройденного пути и его краткость, сжатость перед лицом вечности, ибо впереди – ещё больший, бесконечный путь. Путь, где стирается граница между вчера, сегодня и завтра. Вот такие мысли зародились в моем сознании после знакомства со сборником «Последняя осень», а читатель произведений подобной

направленности я, повторюсь, достаточно искушенный.

В русской литературе нередок и поиск какой-то счастливой страны, местечка «где душе и сердцу вольно и хорошо». Это, быть может, что-то оставленное в далеком детстве, в прошлом, либо вообще недостижимое. Мне кажется, образ такой страны у нас где-то на уровне национального менталитета. Но эта страна всегда не здесь, не рядом. Недавно изданный сборник прозы «Вечерняя рапсодия», за который Александру Мартыновскому в 2012 году была присуждена премия имени А. Д. Знаменского, на мой взгляд, весьма удачная попытка воссоздать образ такой страны в текущей действительности, в режиме реального времени (хотя есть в ней и ностальгические нотки). Попытка очень убедительная, ощущения от нее светлые и радостные. И тем удивительнее (действительно, удивительнее) для меня было некое признание невозможности достижения такой гармонии. Признание того, что воплотившееся чудо по факту оборачивается оболочкой, прячущей другой, потерянный мир. Пока я не знаю, как к этому относиться. Так ли это? Такая концовка для меня явилась неким шоком, что, впрочем, и является лучшим результатом от прочтения произведения.

Как-то на одном из недавних наших писательских собраний я спросил Александра Дмитриевича, что его побуждает к творчеству. Вопрос, как говорится, был штампованно-традиционным, а вот ответ, пожалуй, заслуживает импровизированной цитаты: «Долг памяти. Памяти о тех, кто, не подозревая, учил мудрости жить среди людей и для людей».

И, как говорится, напоследок. Пожелаем же юбиляру взять с собой в завтра всё то богатство, которое еще остается скрытым в его душе и сердце. Тут не удержусь, чтобы не процитировать мудрого Гоголя. Николай Васильевич, по понятным причинам не зная Александра Дмитриевича, как-то прозорливо подметил: «Еще не исчерпались его силы и не иссяк источник вдохновения... Еще остаются загадкой мысли, которые зреют в глубине его и готовы вырваться на поверхность. Еще не отразилась вполне многосторонняя полнота ума его, которая заключена в тайниках его сознания... Еще в руде дорогие металлы, из которых выкуется иная, сильная речь».

Георгий СОЛОВЬЕВ

ЮБИЛЕЙ

Александр Мартыновский

***

Торговцы Родиной, растлители у трона,
Грядет расплаты час, вы слышите набат?
– Бой будет до последнего патрона, –
Сказал солдатам боевой комбат.

Он поднялся из братского кургана
И поднял свой погибший батальон:
– Сыны! Забудем о смертельных ранах,
Враги берут Отечество в полон.

– Не может быть! – вскричал боец
безногий, –

Враг не прошел! Братишка подтвердит.
Последний танк поджег я у дороги,
Весь экипаж был мною перебит.

– Враг не прошел! – кричал матрос
Балтфлота,

Алея кровью, обливаясь потом. –
Уже без вас я знамя водрузил
Над той высоткой, расквитавшись с дотом.
Сраженный, я последнего сразил!

– Сыны мои, – комбат поник в печали, –
Вам не осмыслить всей беды в пылу.
Пока мы смерть героически здесь встречали,
Враг терпеливо вызревал в тылу.

Враг не пройдет! – взгремело над долиной.
Гудел курган набатно: – Не пройдет!
И покатило мощною лавиной:
За Родину!.. За Сталина!.. Вперед!..

Страда

По полю солнце растеклось.
На солнцепой пришли комбайны
И пьют ручей необычайный
Зерна, звенящего стеклом.

А нива, словно знойный шар,
Бегут, спешат сюда машины.
Глас человека, писк мышинный –
Все славит щедрый Божий дар.

Нам эта радость не нова,
Но смолкли зерна обреченно:
Уже гудели отдаленно
И ненасытно жернова.

Бродяга

Ерема под стогом дремал,
Дремал, не мешал никому.
И стог для него был не мал,
И солнца хватало ему.
Вдыхал он цветов аромат
И хлебные запахи нив,
Тем голод вполне утолив,
Чему несказанно был рад.
Бока согревал ему стог,
И пела Еремы душа:
– О, как же ты милостив, Бог!
О, как же ты, жизнь, хороша!

***

Над челом его Божий венец –
Он пришел!
Да свершится суд правый!
Всяк ответит: разбойник и лжец,
Будут счастливы все наконец:
Люди, живность, деревья и травы.
Мир к его приклонился ногам,
Проявляя почтенье Богом.
Но нежданно послышался глас.
Он раздался меж всех ниоткуда:
«То Иуда средь вас!»

То Иуда средь вас!
Под личиной Христа сам Иуда!»
Глас возник сам собой. Ниоткуда.
Но затмил разум грешного люда.
И – метнулись!..
На первой версте
Вновь распяли Христа на кресте.
И бросали в него камней груды,
Торжествуя под хохот Иуды.

***

Ох, шумит моя головушка,
Словно тополь на ветру.
Звонко пел всю ночь соловушка,
Да умаялся к утру.
Я же пел еще забористой
И разливней соловья,
Ото всех печалей – горестей,
Пропадала жизнь моя.
Поневоле тяжко, муторно,
Много пел и лихо пил.
Пропивали дружно хутором
Ту, которую любил.
Ох, шумит моя головушка,
Колокольцами звеня.
Краше выбрала зазнобушка
И удачливей меня.

ЮБИЛЕЙ

Александр Мартыновский

Сказ об императоре Емельке

(Фрагмент из повествования «Поединок с призраком»)

... Славик уже битый час усердствовал над домашним сочинением по заданной теме. Требовалось сочинение о народном восстании бедноты под предводительством Емельяна Пугачёва. Он его без всяких трудностей излагал, но оно ему заранее не нравилось. Всё, что он сочинял, являлось пересказом описания этого события в учебнике по истории и в повести Пушкина «Капитанская дочка». В какой-то момент он оставил ручку в чернильнице, и, напрягая мысль, обратился к отцу:

— Мы учили, что пугачёвское восстание не минуло и тамбовской стороны. Значит, мой дедушка или твой дедушка захватил это время. Может, видел самого Пугачёва? Он что-нибудь рассказывал? Мне бы хотелось своё, интересное написать в сочинении.

Он с надеждой и нетерпением уставился на отца. А тот, заправлявший на табуретке новый фитиль в керосинку, не спешил с ответом. Занимался своим делом, молчал. Но Славик по его лицу, по глазам заметил движение новой мысли, и потому задался — найдётся у отца, что сказать ему. И через время, когда лампа с протёртым чистым стеклом была выставлена на стол, отец повернулся к сыну. Он не смотрел, а как бы всматривался в него. Потом, глубоко вздохнув, тихо и неторопливо заговорил:

— Конечно, не минула Емелькина смута и нашей стороны. Не только по Тамбовщине колеснул, но нагрязнул и в наше село, в Рассказово. — И вновь призадумался, двигая перед собой фарфоровую овальную статуэтку с бронзовым барельефом Сталина. Но вот чуть в сторону потеснил её и вновь обратился взглядом к сыну.

Славика такое поведение отца заставило напрячься, он ведь хорошо знал батю, и понимал, что услышит сейчас что-то необычное. Так же тихо, но подчеркивая каждое слово, отец продолжил:

— Заглянул и к нам Емельян, только встретили его рассказовские мужики по-своему. Вот... Но такое сочинение писать нельзя.

— Как? Как по-своему? — нетерпелось узнать Славика.

Во взгляде отца засквозила какая-то оставившаяся мысль.

— Ладно. Я расскажу. Хотя писать нельзя, да и говорить тоже. Но ты о родине дедов своих, о жизни их там должен знать. И даже детям своим передать. Может, доведётся тогда уже и без оглядки рассказывать. Я тебе расскажу так, как услышал от дедушки. То есть от твоего прадедушки. В праздники при гостях он любил развлечь их преданиями прошлого, прожитого. И всякий раз при пересказах что-то добавлял, что-то убавлял. Наверное, потому мне и пересказы его всегда было интересно слушать.

...Дивную, необыкновенно интересную историю, касательную пугачёвского бунта или восстания, услышал Славик от отца. Историю лютого, буйного и беспощадного гнева гольтыбы российской.

Наступили времена, когда громоподобные сотрясения державы угрожающими слухами стали докатываться до глухих лесистых окраин тамбовщины. А вскоре лихие вести, будоражащие привычный ход жизни, одна за другой стали долетать и до самого Тамбова. Не минули они и оживлённо развивающегося, ладно укрепляющегося их пригожего села.

Кроме беспокойных слухов, добавлялись прямо-таки пугающие горожан тревожные свидетельства уже своих людей, рассказовцев. Тех, которым волей несчастного случая довелось оказаться в полоне бунтовщиков и чудом спастись. Так вот они, волнуясь, свидетельствовали очевидную жестокость, проявляемую разъярёнными смутьянами не только к богатырям, но нередко и к беззащитной гольтыбе. Невольным страдаль-

цем разбойного происшествия оказался и Агафон Казарцев, прапрадед Михаила Тимофеевича.

В этот день наведался он в одно недалёкое сельцо к свояку, с кем с успехом супряжно вёл бондарное ремесло. И во время приспел. Отвёл беду, нагнавшую в дом супряги-свояка. А беда свалилась на его голову такая. Среде бела дня со двора свояка дюжий громадный казачина тащил за повод породистого мерина, а хозяин с хозяйкой криком кричали, беспомощно цепляясь за полы свитки дюжего грабителя. Казак крыл их благим матом и грозил шашкой поносить головы.

— Да вы не коня, а девок своих спасайте, хрипел простуженным голосом казак.

Тогда-то Агафон и узрел в здоровиле обидчике двоюродного племянника Данилку Синёва. Одним словом, разобравшись, признав, кто есть кто, тут же взаимно раскалённые отношения сошли до учтивых, а следом и до тёплых. И при общем согласии разбой сменился желанным с обеих сторон родственным застольем.

А село бурлило, колобродило от разбойного налёта. Слышались крики, вопли баб и даже выстрелы, сея страх и панику среди сельского люда. Казак-племянник, то бишь Данила, не задерживал стояние полной рюмки с вином и аккуратно опрокидывал одну за другой. При этом на больших толстых пальцах густо посверкивали золотые перстни и кольца.

Агафон слушал шумливый разбой да искоса поглядывал на красавца Данилу. Лихо пил дебёлый племянничек, выдоханный батюком — матерью в богатыря. Смачно жевал и рьяно рвал молодыми крепкими зубами алую и сочную солонину. Жадно, аппетитно хрустел луком, и от всего приятственного и тёплого в гостепреимстве делался всё благодущней. Улыбался и усмешливо замечал, кивая за окошко светлицы:

— Началось... Началось то, чё я гутарил тебе, — обращался он к хозяину.

И пояснял, что к пугачёвцам примкнули крымские татары и косоги, которые не только грабят имущество подряд у всех, но даже больше промышляют поилом девок и работающих мужей, да подростков. С обозом следует служба, которая переправляет живой товар в Крым, на Кавказ к Чёрному морю, откуда идёт распродажа его заморским купцам во все концы света. Вот почему он и обращал внимание хозяев на своих пригожих дочек. Но, хмельной и сытый, блаженствуя под образами, могучий племянник Агафона тут же вальяжно заверял, взывая побледневших от испуга хозяев к полному спокойствию, даже клялся совестью своей, что с их подворья пока он тут, то есть в селе, никто даже соломинку не посмеет тронуть.

А ещё после рюмки крепкого вина поделился тем, вяло хлопнув по могучей груди большущей пятернёй, что у него там, за пазухой, или в кафтане, грамота самого атамана Кирпичникова, заявляющая о важном чине и больших правах племянника. И в самом деле, через время ко двору свояка пожаловало три конных казака. Один другого лохматей, и каждый разбойного вида. Они учтиво попросили племянника выйти к ним из хаты во двор для некоего сообщения. По возвращении племянник важно осведомил застольников, что ему сейчас же надлежит явиться к Кирпичникову. И добавил не без гордости:

— Известно дело, отправит с секретным донесением к Царю. На этом деле только я у него один...

Он сам налил себе в чарку. И, крякнув после выпитого, хорошо подзахмелевший, уже по-родственному обнял своего дядюшку Агафона одной рукой, а другой прихватил и плечи его свояка, склонил голову и забасил хрипло:

— Грозен царь-император... Ох, грозен! — и тут же лукаво улыбнулся, хмельно щурясь и клонясь к уху дядюшки: — А обличьем не то армянин, не то жидовин... Ладно, на пока сойдёт... Но ни один кровосос не уцелеет под его крепким ногтем... Всех подавит. А затем... там видно будет.

Во дворе он объявил, что один казак из троих дежурит в этом кутке посёлка, а потому свояк может спать спокойно. Второй казак проводит дядюшку Агафона за село, дабы он благополучно добрался до своего дома. Третий же казак, более других обвешанный всяким оружием, последует с ним к атаману.

Так всё, по сказанному племяншей, и свершилось. Цел-целёхонёк к порогу прикатился. И доволен гостеванием дальше некуда, как говорится, сыт, пьян, и нос в табаке.

А тем временем с восточной стороны бунтовская волна повстанцев всё решительней накатывалась на Тамбовщину. По всему краю её с необъяснимой безнаказанностью со стороны властей и при раболепном низкопоклонстве низового люда чинилось самовольное утверждение мятежного императора Петра III. Жестоким и разудалой смутой со своей выгодой пользовались, ложно демонстрируя поддержку новой власти, местные разбойные шайки разного калибра и пошиба.

И вот громом небесным грянула новая страшная весть: отряд боевого и удачливого атамана Ивана Кирпичникова направился в сторону Рассказова и, вроде бы, не столь далеко разбивает свой временный лагерь. И Тамбовцев охватила паника. Многие, особенно те, кто понимал, что не миновать им лиха от самозванного царя, заторопились уносить ноги подобру-поздорову, торопились подалее и понадежней убраться из города.

Мирной жизни и спокойных снов стали лишаться и рассказовцы. Абсолютное большинство его жителей ничего хорошего не ожидали от непрошенных гостей — от разбойного воинства. Как и от самозванного императора с сомнительным достоинством. Трудовой люд при безбедном житье-бытье читл своих хозяев за участие и заботливое отношение к ним. Особенным уважением пользовались фабриканты Тулинов и Олесов.

В прошлом сами из фабричных рабочих, они не только умело налаживали дело своё, непрестанно вводя новизну и совершенствование для роста производительности труда, но непрестанно проявляли заботливое отношение к обзаведению трудолюбивым людом. И во имя того чутко заботились о материальной стороне своих подопечных. Нуждающимся строили дома, желающих и способных учили грамоте, повышали квалификацию. Улучшали условия труда, медицинский досмотр. И люди потянулись к ним, отвечая сполна самым добросовестным трудом на заботу хозяев.

А ещё многие рабочие в семьях своих занимались и домашним различным ремеслом. К тому же многие довольно успешно союзничали с купцами своим товаром. И было уже очевидно к тому времени — Рассказово социально и экономически выглядело заметно благополучней Тамбова. А жители его не без основания и по складывающейся традиции несли в себе некое объединяющее долженство и чувство общественного и личного достоинства. А потому не только любили своё Рассказово, но и проявляли предметное участие в совершенстве жизни и облика города.

Одним словом, жили — не тужили. И вот на тебе: пришла беда, открывай ворота. Впали в маяту и страх все свободные жители Рассказова. По слухам, достоверным вестям они уже знали, что все эти их лавчонки, лавочки и лавки, лари и прочие разного рода и порядка многочисленные

кустарни, заводи, личное хозяйство, а в первую очередь заводы (тот же винокуренный завод Афанасия Демидова), фабрики подвергнутся беспощадному разорению и варварскому разграблению.

Безусловно, лучше, яснее всех прочих грядущую катастрофу понимали хозяева мощных фабрик Тулинов и Олесов. Предприимчивые, имеющие заслуженно добрую славу в своём городе, общественное уважение, они, действуя во взаимно доверительном согласии при обоюдном створе, довольно успешно сталкивались с рассказовцами, как им быть перед самозванными гостями. В общем створе активничал и Агафон Казарцев. Ему, как очевидцу, было что сказать не в пользу норва и действия братии самозванного царя. И это дельно помогло укреплению единения горожан и доверию своим предводителем.

И началось. По разработанному фабрикантами плану спасения жителей и самого села было намечено щедро задобрить начальство разбойного отряда, ставшего большим лагерем близ села — в Бездушном кусту. Целый воз всякого добра собрали для того. А для пушного соблазна треклятых ворогов на милость, и убеждения в самых искренних и добрых намерениях рассказовцев к ним, Тулинов с Олесовым пожертвовали драгоценности из золота и заморского хрустала. Определили представительство из видных фабричных мастеровых, приставили охрану при ружьях и палахах. Возом доставлять гостинцы выпало Агафону Казарцеву, видному собой и смекалистому мужику. Да и лошади его, крашенная телега и вся прочая справа были тоже видные, располагающие к серьёзному вниманию войскового начальства к посольству преуспевающего села.

Гостинцы-дары принимал лично атаман Кирпичников с присутствием свиты его. И остался он более чем доволен столь щедрым и ценным подарком. Видя, что угодили атаману, депутация подобострастно изложила заявление о своём самом сердечном и сблагодетельном расположении к их защитникам. И завершила, что рассказовцы готовы не только оказать всемерную помощь войску царскому, но и присягнуть на верность императору Петру III на всесельском сходе, который будет представлен празднично и многолюдно. И желали бы на сём знаменательном событии личного присутствия атамана и достойных представителей войска славного его.

Столь лестное слово в адрес атамана и приглашение его на значимое мероприятие всесельского схода окрылило и соблазнило Кирпичникова. Село Рассказово именитое, не помещичье, а дворцового владения. С населением под стать иному городу. Да и по промышленности сам Тамбов обгоняет. Тут и винокуренный завод, и две крупнейшие фабрики — суконная и трикотажная, стекольный завод. А уж всяких кустарен — не счесть.

Да и крестьяне вполне успешно занимаются выращиванием хлеба, скотины, бортничеством, лесным промыслом и деревообработкой. Обрабатывают продукцию животноводства — кожу, шерсть. И вообще село славится предприимчивым и работающим людом. Именно развитие промышленного, сельскохозяйственного, ремесленного производства привлекло к себе крупных купцов. В Рассказове, кроме ежедневного базара, проводится ежегодная Петровская ярмарка. И по торговле оно тоже не уступает Тамбову.

Всё это знали пугачёвцы, учитывали богатство и значимость села. Но уже по опыту знали и учитывали те непростые обстоятельства, которые непременно возникнут при овладении такой добычей. Потому заняться сим лакомым куском, сим золотым орешком и поручил Пугачёв своему даровитому атаману Кирпичникову.

ЮБИЛЕЙ

«СУДЬБА ДОРОГУ ЗНАЕТ...»

(О проверенных поэтических маршрутах Вячеслава Динеки)

Стихотворная строка поэта, как айсберг: «над водой» — в слове — выражена лишь та незначительная часть реальности, что осязаема — душой ли, сознанием, сердцем — в любом случае ожидаемая, узнаваемая и доступная если не каждому, то многим... Большая же часть той тверди/глыбы тайных смыслов, прозрений, которые родились как озарение — спрятана в контексте, подтексте — в той неуловимой материи стиха, которая между, около, пред- и за строкой, словом, рифмой... Иногда эти творческие озарения ощутимы лишь как едва уловимый всплеск водной глади на ночной реке... Но именно они, эти подспудные душевные токи, являют то подсознание, которое порой удивляет своей глубиной не только читателя, но и самого автора. Не случайно А. С. Пушкин в письме кн. П. А. Вяземскому отозвался на окончание собственной работы над «Борисом Годуновым» неожиданной экспрессией: «Поздравляю тебя, моя радость, с романтической Борис трагедией, в ней же первая персона Борис Годунов! Трагедия моя кончена; я перечесть ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!»

То состояние, мгновение, миг, когда поэт захвачен и не принадлежит себе, влекомый искушением Высоты, знакомо настоящему художнику слова. Вячеслав Динека — поэт по велению души. В его стихах — и личные переживания/впечатления, и голоса близких — друзей — просто знакомых и совсем незнакомых людей, образы «малой» и Великой Родины, и любовь/нелюбовь, радости/страдания... То есть всё то, что вмещает в себя поэтический космос любого поэта. Сегодня исповедальной нотой поэзии вряд ли кого удивишь. Но в стихах В. Динеки присутствует то, что не дает возможности его не заметить: как автор, поэт, человек мыслящий, чувствующий и предчувствующий — он вписан в эпоху. Время исторического исхода примечательно тем, что Слово исполнено особой энергией прорыва: за горизонт, за грани земного притяжения, за пределы видимых смыслов.

*Врываясь в небо странником
случайным,
Долины открывали для меня
Свои, от смертных спрятанные,
тайны... —*

признается Динека в стихотворении «Орел» и, наблюдая за «хищной грацией» свободолюбивой птицы, выдает самое сокровенное:

Но счастье высоты доступно мне...

«Счастье высоты» пережил в свое время каждый из великих поэтов России — от Державина, Пушкина, Лермонтова, Тютчева до Есенина, Рубцова, Кузнецова... Для читателя — как «чада праха» — опереживание этого счастья дает ощущение «песен райских» и возмущение «бескрылого желанья» узреть божественное и приобщиться душой к тому, что имеет смысл божественный. Слава Всевышнему, не сбылось гневливое пророчество Сальери:

*Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты ещё достигнет?
Подымет ли он тем искусство? Нет;
Оно опять падёт, как он исчезнет.*

Новая эпоха вновь и вновь рождает своего Моцарта... И для теоретика и историка литературы высокие поэтические реалии важны как столбовые меты пути-дороги, того большака истории, каким движется — внимает, смиренно ждёт, и, вздымаясь, высвобождается от земных пут — русский Дух.

Вчитываясь в поэтические образы В. Динеки, подспудно выделяешь те их детали, интонации, смыслы, которые позволяют понять: о чём чаёт и куда устремлена душа нашего современника-мытаря? Прочитав стихи сборника «Тетради стихов», одним словом можно сказать: сегодня русское сознание пребывает на излете. В том состоянии исторического (неизбежного, катастрофического) убывания, которое характеризуется, с одной стороны, неуёмной (как в последний раз!) жадной жизни:

*И тогда попрошу я у Бога —
Так не просят отца и мать —
«Дай мне, Боже, ещё немного
Видеть, чувствовать и дышать»
С другой, усталостью и неотступным желанием уединения, отшельничества:
Я в далекую рошу уйду...
Или:
Мне бы надо на вечные веки приехать
сюда*

*От сует городских,
От извечных тоски и смятенья...*

Однако одиночество для лирического героя В. Динеки не есть статика, но то высокое состояние внутреннего созерцания, рождения волевой мысли, которая и подчиняет блаженную душу законам Духа, позволяет накопить энергию прорыва и — велит действовать:

*Но — снимите меня с коня,
Уложите в постель меня,
Не давайте оружия мне и во сне,
Не давайте на верном моем скакуне
С диким криком в атаку лететь
на ветру —*

*Я умру!
Я — умру!*

Героя Вячеслава Динеки уже не уложить в постель, не отобрать у него оружия и — не оставить его скакуну!

*Ты опять теряешь покой
И, скрывая в голосе дрожь,
Скажешь: ну зачем ты такой!
Спросишь: ну куда ты идёшь?*

Вопрос, звучащий в последней из строк, для самого автора, конечно, риторический. Потому как ему, припадающему к родному долу, ведом спокойный ропот родных трав и их тихий шёпот: «Меч из ножен, Князь!» Ведомо и то, что судьба русского человека предопределена самой тайной русской земли, постичь которую можно лишь, внемля дыханию Святой Руси, пределы которой не давали покоя ни печенегам, ни монголо-татарам, ни шведам, ни Наполеону, ни Гитлеру:

*Душа поет! Зверевет! И летит
На остриях тяжелых русских копий.
Судьба одна — над гниющими полёт,
И близкой смерти сладостная нега!
Судьба дорогу знает и найдёт
Прицельною стрелкою печенега.*

Призвание русского — отдать жизнь за Веру православную, за святоотеческую землю, за то, во что духом и плотью врос корнями («Какими-то незримыми корнями / Я незаметно в эту землю врос»). Но при этом как узнать, что час Армагеддона пробило? Вячеслав Динека даёт в своих стихах приметы хаоса и разрухи как восстания зла, которое должно одолеть в последней и решающей битве, какая только наступает в конце времен:

*А теперь в обители том
По-хозяйски свистят сквозняки,
И в лохмотьях сидят старики...*

Смысловые коннотации образа вьюги как символа хаоса, беспутства, господства демонических сил унаследованы В. Динекой от Пушкина («Бесы»), Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки»), Блока («Двенадцать»). Именно в бурян сердце лирического героя «агонально трепещет». Лукавит проказница-вьюга, убеждая героя в том, что «Никого! Никого впереди. Это сердце твоё от испуга». Сердце не обманешь! Оно подскazujeвает, что «громкий и жалобный стон», «хохот из мрака теней», стрелы, ударяющие в щит, «взлопаченный» чьими-то крыльями воздух... — это реальность. Именно хохот и вой означают присутствие нечистой силы. Поэт не раз прочувствовал на себе ее приближение:

*Они кружатся странною толпой
Вокруг меня направо и налево,
Они хохочут за моей спиной —
Ужасные, как идолы Борнео.*

Аллюзии «чёрного человека» Моцарта, Пушкина, Лермонтова, Есенина, Маяковского возникают в момент чтения о том, как «Над глупой головой / Кружится насмешли-

вый рой / Безжалостных, бесплотных привидений... Но драматизм духовного разъятия («В ту ночь я словно понял, наконец, / Что бога нет!») — преодолевается поэтом благодаря тому, что его творческое сознание размыкается в момент пробуждения живой веры в Бога («И Господь возберёт для меня драгоценный дар... Я узрел в небесах <...> как <...> летит Душа»), в существование других бесплотных, за гранью естества существ — и обретает новые смысловые горизонты: «Возможно, это Солнечные Гномы / Друзья и покровители людей»...

Армагеддон сегодняшних дней, убеждён Вячеслав Динека, уже наступил. Действенное оружие Добра и его надежный щит — поиск и обретение Пути: системы духовных координат, исторической памяти, того «прямого курса», который однажды выведен на Скрижалях и с которого нельзя сворачивать:

*Не сворачивал с курса прямого
Сумасшедший его экипаж...
Так и надо, как эти пилоты,
Не страшась в облаках умереть,
Презирая судьбу и расчеты,
К предназначенной цели лететь...*

Стихотворные образы Вяч. Динеки воскрясают, словно из небытия, из глубин генетической памяти «волю в морщинистых лицах», «бессмертные песни забытых отцов», не сгнувшую от века к веку русскую славу... В контексте размышлений поэта о путях и распутье — данные образы дают возможность понять метафизику главного рождения — рождения Свыше, когда падение как смерть может стать новым полетом — обретением Вечности:

*Упадешь, разобьешься?
И ладно.*

Ведь падение — тоже полет.

Чтобы постичь эту истину, герои В. Динеки — постоянно находятся в пути:

*Сквозь темноту и серый снег,
Усталый от потерь,
Куда, мой странный человек,
Ты забредёшь теперь?*

Пути-перепутья ведут героев В. Динеки и «по рельсам трамвайным / Сквозь дремлющий город», и «во тьму на простор, / Обходя болотную грязь», и «в далекую рошу», и «за синий лес», «за синее море», «за синий дым»... чтобы «разок лишь еще прошвырнуться по планете...» Смысловая протяженность поиска правды-истины выстраивает в один синонимичный ряд образы пути — бродяги — бича:

*Вдоль улицы темной бродягой усталым
По рельсам трамвайным <...>
Иду я, неловко ступая...*

Или о «мудреце, дрожащем над каждой буквой»:

*Он был всемогущ!
А счастлив не был —
Большой бродяга с душой нетленной.*

Судьбу современного нам россиянина поэт В. Динека не оценивает характеристиками — счастливая или несчастная, яркая или неприметная... Он просто — побиблейски — наделяет её сроком. У каждого свой срок жизни, свои взаимоотношения с Богом. «Хорошо живется бабушке Петровне» в опустевшем селе, с «садином в пару яблонь да пустым коровником»:

*И никто не скажет ей дурного слова!
И никто не свистит хулигански вслед!*

Устойчивость миру героини придает не только тишина и благогоудный свет росыных далей, месяц, что «опрокинет бледный свой половник / И в зарю над лугом синеву прольёт...», но и само её внутреннее состояние гармонии, согласия с миром, с Богом и с собой.

Напряженность духовного и творческого поиска, каким наполнен сегодняшний день Вячеслава Динеки, пребывающего «вечно в трудах и в поту», дает читателям основание верить в его долголетие, а значит — возможность приобщиться к тернистым поэтическим маршрутам его новых книг, на путях которых непременно высветлятся надежды...

Наталья Дроздова

ВЕЧЕРНЕЕ

Мы расстанемся с Вами
На этом небесном разъезде.
Повинуясь законам Вселенной,
Прервём разговор...
Пусть останутся Вам
Эти яркие бусы созвездий,
Эти чётки планет,
Этих звёздных туманностей флёр.

Я уйду за холмы,
В горизонты, покрытые тайной,
Где мерцание звёзд
Растворится в жёлтой луне;
И в прозрачную ночь
Пролетают ангел случайный,
Вам расскажет о новой планете,
Приснившейся мне...

***

Всякий вечер закатом украшен,
Сладок отдых от долгих дорог...
Отчего ж так таинственно-страшен
Этот грозный незримый порог?

Видно там, за последней дорогой,
Где по-новому время течёт,
Кто-то со скупулённостью строгой
Наших дел производит подсчёт.

Там ни в чём не идут на уступки,
Там не слушают лепет словес,
Наши мысли, сомненья, поступки —
Всё имеет свой собственный вес:

Помощь другу — и низкая шутка,
Всякий подвиг — и всякое зло...
Оттого так пронзительно-жутко,
Оттого так прозрачно-светло.

***

В. К. В.

Мы разные люди с тобою:
Ты ловок, спокоен и бодр,
А я спотыкаюсь порою,
Как ленью измученный одр.

Ты сердцем по-прежнему молод,
А я не по возрасту стар:
Я — южный простудливый холод,
Ты — яростный северный жар.

Я в бурях сгибаюсь, как клевер,
И ты осуждаешь, мой друг —
Оно и понятно, ты Север,
А я — неустойчивый юг

Пленённый больничною койкой,
Я дружбе по-прежнему рад,
Мой службой, судьбой, перестройкой,
Попойкой испытанный брат.

***

Ляжет туман ли, колдун бородатый,
Взмоют ли птицы над солнечным лугом,
В буйном цветенье утонут ли хаты,
Плачут ли вдовы, поют ли солдаты,
Пахарь ли голову склонит над плугом —
Всё это в чуткое сердце вольётся,
Как в океаны вливаются реки.
Всем существом, устремившимся

к солнцу,

Всем, что способно болеть в человеке:
Честной душой, доверчивым оком,
Телом, дрожащим от страха и боли,
Сбитым коленом, ободраным боком,
Сердцем, кровавым сочащимся соком,
Чувствую боль твою, русское поле;
Я обнимаю туманами хаты,
Птицею к солнцу над лугом взмываю,
В ниву заглохшую пот проливаю,
Я сыновей провожаю в солдаты,
Я задыхаюсь от счастья и боли!
Я ли не сын тебе, русское поле?

***

От дурных новостей
Уходил — от села до села,
В аромат разнотравья,
В доверчивый шепот дождей...
Чтобы только не слышать,
Не знать про людские дела,
Чтобы только не видеть
Довольных улыбок вождей.
И усталая Родина,
Грустная женщина-мать
Мне примером терпенья была
В окружающем зле.
Оттого я спокойно,
Коль надо, пойду умирать,
Оттого и прожить, сколько нужно,
Смогу на земле...

ЮБИЛЕЙ

***

Юдоль земная...
Мы вовеки в ней.

Как лист древес, забравшийся высоко,
В урочный час срывается с ветвей,
И, прихотью воздушного потока,
Спешит собой насытить плоть полей,
Мы не умрём.

Но вечно нам не жить.
Нас ждёт совсем иное продолженье –
Нам вечность подарила лишь мгновенье
Над первозданным хаосом парить.

Так капля пены в бурю, над водой
Взлетит на миг, гордыней обуяна,
Сверкнёт в лучах стремительной звездой
И... снова станет телом океана.

***

I
В сумерках ночи
Берег исчез
Тёплые очи
Смотрят с небес.
Небо высоко,
Путь одинокий;
Плещет Протока,
Мчит мой челнок.

II
Грезится, снится?...
В сердце моём
Милые лица,
Отческий дом...
Каждую малость
Я сберегу –
Всё, что осталось
На берегу.

III
Одушевлённый,
Смотрится в вир
Весь озарённый
Звёздами мир,

Я этой дрожащей рукой не ласкал.
Ну что же...
Глазами я там побывал,
А значит – душой дотянулся до них,
А значит – их принял
В круг Братьев моих!
А значит – я вечность небес покорил,
И душу небесным друзьям раздарил...

И кто же виновен, что нынче нигде
Нет места под Солнцем
Ни мне,
Ни звезде...

***

Всякий вечер закатом украшен,
Сладок отдых от долгих дорог...
Отчего ж так таинственно-страшен
Этот грозный незримый порог?

Видно там, за последней дорогой,
Где по-новому время течёт,
Кто-то со скрупулёзностью строгой
Наших дел производит подсчёт.

Там ни в чём не идут на уступки,
Там не слушают лепет словес,
Наши мысли, сомненья, поступки –
Всё имеет свой собственный вес:

Помощь другу – и низкая шутка,
Всякий подвиг – и всякое зло...
Оттого так пронзительно-жутко,
Оттого так прозрачно-светло.

ОФИЦЕРЫ

Нас по свету бросало
От беды до беды –
На афганские скалы,
На полярные льды,
Мы пьянели без водки
На вершинах земли,
Нас подводные лодки
В бездны моря несли.
Засыпали с рассветом,
Завернувшись в шинель,
Боевые ракеты
Наводили на цель...
На телах ли заплаты,
На мундире Звезда –
Молодые девчата
Нас любили всегда.
Мы же, в зной или слякоть,
Шли дорогой своей,
И, не смея заплакать,
Хоронили друзей.
Это вольному воля –
Что покой, что полёт,
А военного доля,
Это – как повезёт...
Не угадывай даже,
Где поставят твой крест.

И мы в составе поисковых групп –
Юнцы, толпа мальчишек неумелых –
Тащили из снегов за трупом труп,
Ровесников своих окоченелых.

Мы их сложили в полной тишине
За рядом ряд у старого сарая,
И было отчего-то стыдно мне,
И я рыдал, лица не закрывая.

А горы молча брали нас в кольцо,
Луна рыдала в облачном тулупе,
И снег всё сыпал на моё лицо,
Всё сыпал, и не таял, как на трупе...

В ту ночь я словно понял, наконец,
Что бога нет! Что всем – одна дорога!
И если у планеты был Творец,
То был он недостоин званья Бога...

Не прикасайся же к моей
Инопланетной коже!

Оставь меня!
Я гибну? – Пусть!
Не тронь меня в мой борьбе,
И я – вернусь, вернусь, вернусь
К тебе, к тебе, к тебе...
К тебе.

***

Приходила – опять не застала!
Я ведь вечно в трудах, и в поту,
Как безумный, ношусь по кварталам,
И, бог весть, где поспать упаду.

Электрички, маршрутки, трамваи...
Сон на лавке, еда на бегу...

С тех пор минули многие года,
Душа смогла ожить и отогреться,
Но этот миг неверья и стыда
Кусочком льда лежит в усталом сердце.

***

Уйдут эти серые годы,
Исчезнут позорные дни.
А эти – владыки народа –
Пребудут вовеки они?

Неужто пребудут вовеки –
Густой этаноловый дух,
Бездомные дети-калеки,
Бессильные слёзы старух?

От одури ложной свободы
Проснёшься ль, нетрезвый мой брат?
В безвременном мраке восхода
Мне грезится светлый закат.

ТВОРЧЕСТВО

Все связи мира разорвав,
Как звери в хищном торжестве,
Кружась, сгущаются слова
В моей несчастной голове...

Когда сгущаются слова,
Не проклинай мой злобный нрав!
Хоть ты права, права, права!
А я не прав, не прав, не прав!

Но нет меня среди живых!
Но нет меня среди людей!
Я весь – в плену пространств иных,
Я весь в когтях чужих страстей!

Владыка мрака и огня,
Создатель Солнца и планет –
Лишь брат-подельник для меня,
Но с ним у нас согласия нет!

Я совладелец грозных сил
Создатель замыслов и слов,
Я – созидание светил,
И разрушение миров,

Хозяин жизни и смертей,
В небесном бьющийся костре...

Я и дома почти не бываю,
А зайду – усидеть не могу.

Забегал на секунду – побриться,
Заскочил на минутку – поесть,
Вижу – всюду тревожные лица,
А на лицах – тревожная весть.

И соседка, крестясь, рассказала,
Что за мной осерчала Смерть
Приходила, опять не застала,
И ушла – на других посмотреть.

***

Я успокоюсь в том краю неблизком,
Где горний свет,
И тьма вокруг него,
И лунный луч по бледным обелискам
Скользит, не освещая ничего.
Но перед тем как раствориться в Лете
Скажу спокойно перед вечным сном:
Мне было хорошо на этом свете,
Не будет плохо и на свете том.

Мне было хорошо в лучах светила,
И жизнь ко мне не слишком злой была –
Она мне Вечность в душу заронила,
Хотя у сердца вечность отняла.

Я жизнь любил!
И мне не надо лучшей!
Любил небес прозрачную лазурь,
Любил Кавказа пропасти и кручи,
И озверелый рёв планетных бурь,
И вешний гром,
И тучи в небе низком...

Но я устал немного от всего...
Мне будет хорошо в краю неблизком,
Где лунный серп,
И тьма вокруг него.

***

Я из памяти боли былые сотру,
И беспечным бродягой пойду по Руси –
И дышать, и мечтать хорошо на ветру!
Я иду, и рубаха моя парусит!

И высокая тайна откроется мне,
И внезапным виденьем всплывут вдалеке:
И лицо ожиданья в заветном окне...
И платочек прощанья в любимой руке...

В мире бессонно
Трудится Бог...
Небо бездонно.
Путь одинокий.

УТРЕННЕЕ

Ни звонкую россыпь мерцающих звёзд,
Ни яркой кометы сияющий хвост

Бог не выдаст!
Свинья же
И подавно не съест.

***

Я помню ночь – я был тогда курсант...
Нас подняли сигналом и сказали,
Что по ошибке сброшенный десант
До одного пропал на перевале.

ПРОЗА

Сергей Трахимёнок

В лифте с Дедом Морозом

Современный святочный рассказ

Но получалось это у него плохо,
– Рукавички сними, – заметила Лариса, – а то скользят.

– Нет, нет, этого не может быть, – запричитал Дед. – Нет! – вдруг почти заорал он, – так не должно быть.

– Мужчина, – тоном учительницы первого класса сказала Лариса, – ведите себя прилично.

– Ой, все, я опоздал, там плачет ребенок.
– Ага, расплакался, – сказала Лариса, – я знаю этого ребенка, ему пять лет, и он в Дедов Морозов уже не верит.

– Нет, он плачет, – капризно заявил Дед Мороз и дохнул в нашу сторону перегаром.

– Поплачет и перестанет, – глубоко-мысленно произнесла Лариса, – а пить на работе не надо...

– Плачет и верит, – продолжал свою волюнку Дед Мороз, пропустив замечание Ларисы мимо ушей.

– Да он в жизни не плакал, – сказала Лариса, хотя ребенка этого видела от силы пару раз.

– Он плачет, ему плохо, он ждет меня и верит, верит в меня, – заорал Дед Мороз и стал колотить в дверь ногами.

Ошарашенные таким поведением, мы прижались к противоположной стене лифта.

И тут нашего попутчика осенило. Он повернулся к панели и начал давить на все кнопки по очереди. Но лифт стал мертвым.

– Мужчина, – строго произнесла Лариса, ежедневные упражнения с мужем и тремя сыновьями позволили ей приобрести богатый опыт воздействия на представителей противоположного пола, – перестаньте паниковать. Вы же нажимаете кнопки рукавичками...

– Так помогите мне, – заорал Дед Мороз и снова попытался раздвинуть двери лифта руками.

– Остановитесь, мужчина, – сказал Лариса, – вот здесь есть кнопка диспетчера.

Он протиснулась к панели лифта и нажал кнопку связи с диспетчером.

– Что там у вас? – раздался искаженный мембраной голос.

– Мы застряли в лифте, – заорал дед Мороз.

– Адрес...
Дед Мороз с надеждой посмотрел на нас.

– Миронова, пятнадцать «А», второй подъезд, – произнесла Лариса.

– Ждите, – был ответ диспетчера.
– Как ждите, что значит, ждите, – закричал Дед Мороз. – У меня еще шесть заказов. Я не успею, меня не поймут.

– Мужчина, – строго заметила Лариса, – не мечитесь, подумайте, кабина герметична и вы выжигаете кислород.

– Ага, – сказал в ответ Дед Мороз, – вам хорошо, а мне жарко...

– Так снимите свою шубу.
– Не могу.
– Почему?
– Это не ваше дело.

Прошло несколько минут и, действительно, стало трудно дышать. Дед Мороз долго крепился и все-таки снял шапку, заставив

Накануне Нового года, после короткой прогулки по скверу, мы с соседкой, излив друг другу душу, уже спешили в объятия семей, к новогоднему столу, к мужьям и детям, когда к дому напротив подкатило такси, из которого буквально выпорхнул Дед Мороз. Но это был какой-то странный Дед Мороз. Несмотря на шубу, красную шапку и такой же красный мешок, в нем не было степенности присущей тем, кого мы знаем с детства. Впрочем, возможно это был молодой Дед Мороз, да к тому ещё и холерик.

Выйдя из машины, он бегом устремился в двери нашего подъезда.

– Во уровень, – не преминула съязвить Лариса, – Дедов Морозов на такси развозят.

А Дед Мороз между тем, опередив нас, стал набирать на панели домофона номер 69. Видя это, Лариса многозначительно кивнула мне, мол, кто же ещё может заказать своему ребенку визит реального Деда Мороза. Шестидесят девятая квартира у нас в доме особая. Её купил какой-то бизнесмен. А так как она была на девятом этаже, он соорудил себе еще один уровень за счет технического этажа дома. Говорят, это обошлось ему в кругленькую сумму. Причём, основные расходы он понёс, «отстегнув» чиновникам-коммунальщикам за разрешение перестроить технический этаж.

Ездил хозяин двухуровневой квартиры на мощном чёрном внедорожнике с личным водителем, который одновременно был его телохранителем.

– С Новым годом, дедушка, – перемигнувшись, сказали мы почти хором.

– С Новым, – пробурчал в ответ Дед Мороз, даже не обернувшись.

В это время сработал домофон и металлический голос произнёс:

– Говорите...
– Дед Мороз, Дед Мороз, – ответил тот, кого все так и зовут...

– Входите, – ответил мужской голос, – девятый этаж.

Мы вошли в подъезд вслед за Дедом Морозом и подошли к лифту.

Красный огонёк вызова уже горел. Видимо, Дед успел нажать на кнопку.

– Пойдем пешком? Вдруг опять застрянет! – предложила я Ларисе.

– Вот еще, – ответила она, – за что мы деньги платим.

Тут раздался легкий звон и двери лифта раздвинулись, Дед Мороз буквально влетел в кабину, а вслед за ним вошли и мы.

Лариса по-хозяйски нажала на кнопки пятого, шестого этажей, а потом, также по-хозяйски спросила Деда Мороза.

– Как я поняла, вам на девятый?

Дед кивнул в ответ. Был он довольно высок и плотен.

А нужно сказать, что лифт у нас в доме маленький: метр на метр и два в высоту. Стоять в таком лифте несколько человек долгое время некомфортно. Да и разговаривать с незнакомыми людьми на таком близком расстоянии не очень удобно.

Поехали молча. Но разве можно закрыть рот Ларисе.

– Раз, два, три, четыре, – начала считать она.

– Что вы делаете? – спросил Дед Мороз.

– Считаю, – зло ответила Лариса.

– Зачем?

– А вам какое дело?

– Нет, ответьте, – сказал Дед Мороз чуть ли не истерически?

– Она считает секунды до пятого этажа, – попыталась я смягчить гнев Деда.

– Почему до пятого?

– Потому что я там живу, – ответила Лариса.

И в это время лифт дернулся и остановился.

– Что это? – спросил Дед.

– Остановка, – ехидно констатировала Лариса.

– А какой этаж?

– Судя по времени, – иронически произнесла Лариса, – что-то между четвертым и пятым...

– А почему вы не выходите? – с каким-то испугом произнес Дед Мороз.

– Потому что мы не доехали до пятого, – философски заметила Лариса, – застряли между этажами. Эх, зря я тебя не послушала, – горестно кивнула она мне.

– Как застряли? – всё еще не верил Дед Мороз.

Он протиснулся между нами и стал раздвигать двери лифта.

– Всего двадцать две минуты, – ответила ему диспетчерша.

После этих слов он устало опустил на свой мешок.

– Подарки помнете, – сказала я.

– Да нет там подарков, я должен был из воздуха детский автомобиль материализовать и подарить пацану, – ответил Дед Мороз

– И кто же такое придумал? – не преминула спросить Лариса.

– К разводящему приходил охранник и делал заказ, он же все это и придумал, а также точное время установил.

– А зачем ему точнее время? – спросила Лариса

– Зачем, зачем, – передразнил ее Дед Мороз, – потому что потом он с боссом должен был ехать на корпоратив.

– Куда ехать?

– Куда, куда, на пьянку с сослуживцами.

– А ты, стало быть, заработать хотел? – спросила Лариса

– Да кто ж не хочет.

– И сколько тебе обещали?

– Этот змей дал мне пятьдесят баксов и пообещал ещё столько, если я всё сделаю тика в тика.

– А я думаю, почему ты из шкурки выпрыгиваешь, – начала говорить Лариса

– Да, – честно признался Дед Мороз, – хотелось прибавки к стипендии.

– Тогда всё понятно, – продолжила Лариса, – а...

Их диалог не имел завершения. Лифт дернулся, поехал вверх и остановился, двери открылись. Дед Мороз вскочил на ноги, схватил шапку, мешок и ринулся наружу.

– Это только пятый этаж, – закричала ему вслед Лариса, но он уже мчался вверх по лестнице, и было понятно, что в ближайшие минуты, а может быть и часы, он на выстрел не приблизится ни к одному лифту в городе.

Мы с Ларисой тоже покинули кабину. От пережитого нам расхотелось расставаться.

– Я провожу тебя, – сказала Лариса, и мы пошли пешком на шестой этаж.

На площадке возле распределительного щита стоял мой муж.

– Что случилось? – спросила я.

– Изображение пропало, – ответил он, – опять кто-то из компьютерщиков в щите копался.

– А мы в лифте с Дедом Морозом застряли, – радостно, как о полёте в космос, сказала Лариса.

Нас переполняло непонятное чувство восторга, какое, наверное, испытывают все освобожденные из неволи. И мы наперебой стали рассказывать о своих и дедморозовских злоключениях.

И только мы добрались до его истерик, как он, словно в подтверждение своего существования, появился на лестничной площадке

– Ну, – спросила его Лариса по-свойски, – материализовал машину?

– Не-а, – мотнул головой Дед Мороз, – хозяин уехал, не дождавшись, а жена меня в отсутствие охраны в квартиру не пустила...

Прошла неделя, а поскольку более значительного события в нашем доме не произошло, Лариса рассказала о нашем пребывании в лифте с Дедом Морозом всем жителям дома и всем, кого знала вне его.

Но на этом история не закончилась. Через неделю на нашего соседа из шестидесяти девятой квартиры было совершено покушение. Однако Господь сохранил ему жизнь. Позже следствие установило, что организатором и исполнителем покушения был водитель-телохранитель. И это было не первое покушение. Ранее, на Новый год, он уже планировал убийство своего босса, в котором козлом отпущения должен был стать приглашенный к ребенку Дед Мороз.

Сергей Александрович Трахимёнок живёт в Минске. Доктор юридических наук, профессор. Член Союзов писателей России и Беларуси. Лауреат национальной литературной премии «Золотой купидон» 2008 года за роман «Синдром выгорания» (Беларусь и литературной премии Уральского федерального округа 2012 года за роман «Чаша Петри, или Русская цивилизация: генезис и проблемы выживания» (Россия)

– Сколько мы сидим?

– Помогите, помогите, кто-нибудь!

– Успокойтесь, – отреагировала на этот крик диспетчерша.

– Вызывайте аварийку, срочно...

– Я же вам русским языком сказала, что к вам идет мастер из соседнего дома.

– Он что там, чай пьет?

– Он устраняет там повреждение.

– А-а и там повреждение, так вызывайте аварийку.

– Она сможет приехать только через срок минут, – сказала диспетчерша.

– Всё, мне плохо, у меня сейчас инфаркт будет...

Время шло, мы по-прежнему находились в лифте. Дед Мороз то молился, то крестил дверь, то вдруг кричал как резаный, но с каждым разом его крики становились все слабее и тише. Пока он, наконец, обреченно не произнес:

– Сколько мы сидим?

ПОЭЗИЯ

Светлана Вячеславовна Супрунова – выпускница Литературного института им. А. М. Горького и филологического факультета Калининградского государственного университета, лауреат Международного конкурса «Литературная Вена-2012», член Союза писателей России, автор трёх поэтических сборников.

СВЕТЛАНА СУПРУНОВА

Калининград

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ПАРОДИИ

Дай Бог

*Дай бог не вляпаться во власть
И не геройствовать подложно,
И быть богатым, – но не красть,
Конечно, если так возможно.
(Евгений Евтушенко)*

Дай бог не обижать жену,
Прощенья всем, кого обидел,
И если что-то умыкну,
Дай бог, чтоб кто-то не увидел.

Дай бог судье на лапу дать
И верить: всё в суде уладят,
И дальше книги издавать,
Конечно, если не посадят.

Дай бог, чтоб срок был небольшой
И впрок тюремная котлета,
Чтоб быть поэтом, – но с душой,
Достойной звания поэта.

Превосходство

*Когда, раздвинув остриём поленья,
Наружу выйдет лезвие огня,
И наваждение стихосложения
Издали накатит на меня...
Я вспоминаю лепет Пастернака.
(Сергей Гандлевский)*

Когда свой томик трепетно беру
И с ним ложусь в тенёк под куст малины,
То вспоминаю всякую муру –
Сюсюканье Цветаевой Марины.

Когда автограф с важностью даю
И еду на побывку в Комарово,
То вспоминаю, как галиматью,
Сухое бормотанье Льва Толстого.

Когда на свадьбе через тёмный сад
До ветру будем бегать мы, слабя,
То мы поймём, что пили суррогат,
И вспомним стих Гандлевского Сергея.

Гастрономическая
география

*Я бы в Томске томился,
В Туруханске струхнул,
На окно бы косился,
Опустившись на стул.
(Александр Кушнер)*

Города изучаю
И жую беляши.
Я в Сахаре бы чаю
Насластил от души.

Съем я в Тете тетерю,
Выпью в Були бульон,
Я по атласу сверю
Свой дневной рацион.

В Гусь-Хрустальном румяный
Будет ждать меня гусь,
Я на стул, словно пьяный,
Тяжело опускаюсь.

Съев в Салайне салаку,
По стихам загрущу,
А пока Титикаку
Я на карте ищу.

Начитавшись классиков

*Я бы мог, наверно, жить иначе.
Будто лёд, кремнистый путь блестит.
Не жалею, не зову, не плачу –
И звезда с звездою говорит.
(Лев Котюков)*

Выхожу один я на дорогу,
Пишется неплохо при луне.
Допишусь до книги понемногу.
Дай же, Джим, на счастье лапу мне!

Вроде бы зима, – а дождь и слякоть,
Прячу шею в тёплое кашне.
Ох, февраль! Достать чернил и плакать,
Вспомнив Гюльчатай и Шаганэ.

Молния ударила, сверкая,
Но её в стихах не восхваляю.
Я люблю грозу в начале мая,
А зимой, поверьте, не люблю.

А ещё, друзья, люблю культуру,
Только книг приличных не достать.
То-то и печатают халтуру,
Что умом Россию не понять.

Муки творчества

*Всё мир я спасаю, всё духом скорблю.
Как сбросить мне эту обузу?
Я каждую ночь своим сердцем кормлю
Свою сумасшедшую музу.
(Николай Зиновьев)*

Тревожные мысли по кругу неслись,
На глобусе выцвели краски.
Спасительных строчек, поди, заждались
В Гвинее, Мали, на Аляске.

Я грыз карандаш, я зачёркивал вздор,
Но муза явилась – о чудо!
И, видя голодный, блуждающий взор,
Я выложил сердце на блюдо,

Печёнку, кишечника пару мотков,
Отрезана правая почка.
И вот не осталось уже потрохов,
А только одна оболочка.

И гладила муза свой круглый живот,
Мне с хищницей не было сладу,
И чтобы её подзадорить на взлёт,
Я музу пошлёпал по задку.

Она натянула короткий подол,
Взмахнула крылами, зарделась –
И рухнула тут же на письменный стол:
«Прости меня, Коля, объелась!»

Реминисценции

*Здесь колдуны беду пророчат
И память держат без огня,
Здесь всё равно меня растопчут
Копыта медного коня.
Здесь небеса белеют мутью,
Повсюду бродит ОРВи...
(Михаил Анищенко)*

До святков дотяну едва ли,
Весь побледнел, озноб уже.
«Ты будешь жить, – врачи сказали, –
Но только сделай БЦЖ» .

Не сплю, ворочаюсь в кровати,
Белеют чем-то небеса,
Нева чернеет чем-то, кстати,
И всей-то ночи – полчаса.

Ветра, ветра, меня заносит.
Я в БДТ – а там «Ромэн»,
Цыганка мило ручку просит.
Уйди, лукавая Кармен!

Всё как-то сразу: эта речка,
И эта крепость, и т. п.
Бросаю гневное словечко,
Я возмущён как член СП.

О город, страшный и зловерный!
Покоя нет ни тут, ни там,
Ещё и всадник этот медный
За мной несётся по пятам.

Бегу и плачу безутешно,
Чем вызываю интерес,
Реминисцирую, конечно.
Ну, что б я делал без А. С. * ?

* А. С. Пушкин

Умереть послезавтра

*И всё-таки в борьбе за Слово
Не важно, как я назовусь,
Но важно, что воскресну снова
И воскресну с собою Русь.*

*Не умру ни сегодня, ни завтра, –
Ещё долго я буду любить,
(Иван Переверзин)*

Не умру ни сегодня, ни завтра,
Календарной страничкой шуршу.
Я, пожалуй, умру послезавтра,
Только эти стихи допишу.

Умереть мне нисколько не страшно,
Ну, подумаешь, жил среди людей!
Слёзы, сопли – всё это не важно,
Что воскресну – вот это важней.

Как положено, шапки снимите,
Помяните меня средь берёз,
Называйте уже как хотите,
Можно ласково: Ваня Христов.

Неожиданность

*Благодаря гашишу
Я всё прекрасно вижу:
И Дельвига во фраке, и Гоголя в плаще,
И Царскую деревню,
И Анну-свет-Андревну,
И маленьких каких-то, бесцветных
вообще.*

(Виктор Брюховецкий)

Как накурюсь гашишу,
Такое, братцы, вижу!
Вон Кушнер в панталонах и в чепчике Эсхил,
Мережко без корсета,
На поприще поэта
Державин, в камиллавке *,
Меня благословил.

А книг моих-то – тыщи,
И не тома – томищи!
Ни критики, ни бури мне не страшны теперь.
Иду уже смелее,

Передо мной, в ливрее,
Сам Александр Сергеевич распахивает дверь.

Наутро я в тревоге:
Стою в трусах, без тоги,
Со шприцем и в халате какой-то изувер.
Где фраки и манишки?
Всё странные людишки,
И вывеска огромная: «Наркодиспансер».

* Головной убор священника

ПАНОРАМА

Поэтика мифа на фоне несостоявшегося апокалипсиса

Декабрьское заседание Краснодарского краевого клуба любителей фантастики и фэнтези «Ключф» почти не вспоминал о предсказываемом конце света. Впрочем, в самом начале Юлия Нардид представила выставку фантастических книг на эту познавательную тему. Но в этот раз встреча получилась скорее философской. Члены клуба рассуждали о том, как появилась жизнь на Земле, слушали загадочные стихи и, как обычно, разыгрывали призы. А теперь обо всем по порядку.

Прежде всего, был представлен долгожданный сборник, вышедший по итогам нашего конкурса «Славянское фэнтези». Хочется еще раз поздравить всех авторов и отдельно поблагодарить замечательного художника Александра Куликова из Острогжоска, безвозмездно создавшего к нему восхитительные иллюстрации.

Затем начинающий писатель Владимир Галкин представил книгу «Игры богов» и стал инициатором спора по поводу возникновения жизни на Земле. Сразу скажу, к единому мнению мы не пришли, так что все желающие могут поспорить на следующем заседании в феврале. Андрей Попов, редактор журнала «КиноPeople» рассказал о последних новинках книжной фантастики, а в рубрике «Краснодар фантастический» вспомнил одного из кубанских писателей, в свое время получившего прозвище «краснодарский Гарри Поттер». Он же провел уже ставший постоянным конкурс на знание кинофантастики.

И тут выяснилось, что бесспорным лидером и знатоком является постоянный член клуба Сергей, вот уже третий раз подряд выигрывающий конкурс. Радует одно – что призов несколько. А Сергей по правилам может участвовать в розыгрыше лишь один раз в течение заседания. Так что следующий приз ушел в народ.

Затем поэт Анна Мамаенко прочитала нам удивительно чистые, легкие стихи, наполненные мифической символи-

кой. Сборник ее стихотворений был торжественно вручен библиотеке им. И. Вараввы. Так что теперь почитать ее произведения может каждый.

Как обычно, удивительно интересным рассказом о кельтской мифологии порадовала Станислава Войцеховская. Ее сообщение было не только увлекательным, но и познавательным. И все члены клуба смогли почерпнуть массу интересных сведений из подготовленных Станиславой слайдов.

В заключение были вручены билеты от кинокомпании Монитор победителям ежемесячного читательского конкурса. Встреча закончилась традиционным просмотром анонсов киноновинок фантастики.

Дорогие друзья! Клуб ушел на зимние каникулы. Поэтому наша следующая встреча состоится 17 февраля в 14.00 в Краевой юношеской библиотеке им. И. Ф. Вараввы на ул. Офицерской, 43. Мы подведем итоги конкурса «Кино будущего», поговорим о славянской мифологии и загадочных местах Краснодарского края. Ожидается несколько сюрпризов. Ждем всех, кого интересует фантастика. Приходите, проводите друзей и знакомых. До встречи!

**Мargarита Епатко,
председатель клуба «Ключф»**

На фото: Анна Мамаенко вручает свою книгу заведомо абонементу Краевой юношеской библиотекой им. И. Ф. Вараввы Юлии Нардид.

ДЕБЮТ

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ВЕЧЕР

Рассказ

Она сидела на жёстком узком диване, подобрав под себя ноги, и смотрела в широкое двустворчатое окно. В руках стыла большая чашка дешёвого растворимого какао, а под боком, пряча нос в её свитер, свернулся одноухий старый кот.

В углу комнаты светился маленький телевизор. Вот уже добрую неделю в эфире проигрывали разномастные концерты и «Голубые огоньки». Оксана сощурилась и сделала глоток ещё тёплой шоколадной жидкости, всё так же смотря на холодное стекло. На улицу опустились сумерки, и вот-вот в небе должна была замигать первая звёздочка. Долгожданный рождественский огонёк.

Девушка нахмурилась и оторвала взгляд от темнеющих небес. В этой маленькой квартирке хрущёвских времён было совсем пусто и безлюдно. Она не привыкла проводить такие праздники в одиночестве, но на этот раз вынудили обстоятельства...

Оксана крепко зажмурилась, представляя себе пышно убранный зал с разложенным полированным столом. Как мать торпливо убирает с него старую хрустальную вазу, чтобы накрыть бежевой скатертью. Как брат, что-то недовольно бормоча, лезет под стул, дабы зажечь гирлянду на ёлке... Ах да, ель!

В семье Оксаны новогодняя ёлка – пластмассовая имитация дерева советского производства. От этого замечательного изделия всегда исходил сильный непонятный запах. Нет, он совсем не был

неприятным, скорее наоборот, он казался в большей степени праздничным в отличие от духа соседской молодой сосенки. И вот это искусственное деревце из года в год стояло на самой обыкновен-

ной табуретке, прикрытое у основания белым синтепоном. А на его «лапах» поблёскивали шарики из настоящего цветного стекла.

Игрушки. Их так много висело на пластмассовых ветках! Но со временем стёклышек становилось всё меньше: шарик мог выскользнуть из рук при уборке после

праздников, разбиться прямо в картонной коробке, оставшись скорбно посвёркивать осколками среди цветастой мишуры. Однако самые ценные стекляшки радуют своих хозяев и по сей день.

давая ей насладиться моментом. В такие минуты он даже почти не возмущался!

Оксана отстранённо посмотрела на чашку и, немного подумав, поставила её на диванный подлокотник. Девушка потянулась и подтащила к себе спящее животное за лапы. Найдя рукой пульс, она выключила телевизор и замерла, прислушиваясь к тишине.

Единственный источник света погас, и комнатное пространство наполнил густой сизый полумрак. Она смотрела в низкий потолок и думала о том, как дома ещё маленькой девочкой она так же ложилась на старенькую тахту и глядела на сверкающую огнями ёлку. В этот момент всё было таким нереальным, сказочным и торжественным, что казалось ещё чуть-чуть – и произойдёт какое-нибудь необыкновенное чудо. Оксана слабо улыбнулась и почесала кота за ухом. Даже сейчас, здесь, чувствовался праздник. Он невидимым призраком тихонько скользил по воздуху, заглядывая в каждый дом, квартиру, комнату.

Девушка покосилась на невысокую пластмассовую ёлку, стоящую неподалёку от телевизора. В темноте деревце казалось бесформенной тёмной массой, испещрённой тусклыми бликами новогодних игрушек. Поначалу искусственная ель не нравилась

Оксане, однако встречать праздник без «зелёной красавицы» как-то неправильно, и пришлось приобрести эту пластмасску. Всё же лучше, чем потом колоть пальцы, выковыривая из ворса затёртого паласа сухие осыпавшиеся иглы.

Встав с дивана и подойдя к окну, девушка осторожно взялась за край занавеси. «А вот и звёзда...» – пробормотала она, глядя на пока единственную в небе лампочку. Неожиданно вспомнилось, как они с братом сидели дома и вот так караулили появление первой звёзды. Оксана улыбнулась и не стала задёргивать шторы. Пусть будет видно небо с россыпью мерцающих планет. Так красивее и приятней.

А позже зажглась и гирлянда на ёлке, разгоняя своим светом густую комнатную темень. Старый кинескоп ожил и показал «Чародеёв», а зал наполнила старенькая «Три белых коня». На тумбе рядом с диваном появилась тарелочка с нечищеными мандаринами и пряниками, облитыми разноцветной глазурью. И даже пушистый старик получил блюдечко с двумя кусками колбасы.

Оксана приложила телефонную трубку к уху, продолжая сосредоточенно обдирать с цитруса апельсиновую корку:

– Алло, Саш? С Рождеством тебя, братишка!

Ксения ШКОРИНА
9 класс, МАОУ СОШ № 2
ст. Павловской
Краснодарского края

21.12.2012 г... Сейчас мы смеемся над этой датой, а в преддверии её поневоле задумывались о пророчестве. Ведь никогда раньше ни одно предсказание о конце света не муссировалось с таким энтузиазмом на ТВ и в средствах массовой информации. Подтолкнуло меня написать об этом событии спустя несколько дней отсутствие кардинальных перемен в людях, обществе! Почему по ТВ и в печати нет репортажей о тех, кто пересмотрел свою жизнь после «спасения»? Например: какой-нибудь руководитель на месте своего златного заведения решил открыть производственное предприятие, где предоставил бы рабочие

Елена Нимчук

«Не лучше ли задуматься?»...

места инвалидам! Или где-то появился богат, пожертвовавший огромную сумму на лечение больных, или устроивший сумасшедший праздник детдомовским детям, обеспечив круиз по России или поездку в Дисней Лэнд?! Почему нет заявлений о том, что правители враждующих стран помирились, прекратили войну?! Ведь большая часть населения земли испугалась предсказания, платила немалые деньги за спасение тела, жаль, что о душе заботилось

меньшинство. Для многих все осталось без изменений:плыли до и плывут по течению. А некоторые на радостях пустились во все тяжкие. Почему же предсказание о конце света не послужило встряской для человечества?! Почему народ продолжает идти той же дорогой?! Ведь даже зверь, когда чувствует опасность, меняет тропу! Одному Богу известно будет ли вообще апокалипсис, но нужно ли нам об этом знать? Не лучше ли задуматься о том, что у каждого свой

конец света. А вот каким и когда, будет уход любого из этого мира, и где окажется его душа после, зависит от того, как мы проживем жизнь. Думаю, что в существовании бумеранга ни у кого сомнений нет. Хочется верить, что в наши планы на будущее будут входить не только покупки, поездки, празднования, но и что-то большее, глобальное! Ведь каждый из нас рукодельник своей судьбы, каждый выбирает свою дорожку, которая обязательно пересечется с другими, создавая определенный узор, кружево, которым мы украсим себя и свою эпоху, а вот будут ли им гордиться наши потомки, зависит только от нас!

Николай Ситников

ПАРОДИИ

В СТЕЛЬКУ!

Цвет неба в стельку голубой...

Земля кчнулась подо мной...

Трудней держаться на ногах.

В. Клебанов «Земное тепло»

Земля была пьяным-пьяна,
И небо было в стельку голубое,
И разъезжались ноги от вина,
Но шёл поэт дорогой столбовою.
Был шаг нетвёрд, осанка изменила,
Маршрутка, тормознув под зад дала,

Но Муза под хмельком его манила,
И Слава, в доску пьяная, ждала.

Сегодня не кусаюсь!

Не гуляю и пью, и не кусаюсь,
Я сегодня положительный герой.

В. Серков

Вся Россия мучится вопросом:
Почему Серков кусаться бросил,
Не бодается, лягаться перестал.
Может быть, не с той ноги он встал?
Или зубы выбили по пьяни
В драке в полуночном ресторане?
Кривотолки наши отменяя,
Нам ответил так поэт Виталий:
«На меня находит блажь порой —
Я сегодня положительный герой».

В. Ерофеева-Тверская

Омск

СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

У нас сейчас – такая благодать!
Взаправду – новогодняя погода,
Снег хлопьями, так будто за три года
Ему не приходилось выпадать.
Синичка, прилетела на карниз,
Весёлой желтоватой игрушкой
Мне видится. А милая старушка
Проходит мимо по тропинке вниз
К ближайшей булочной. Ей просто дела нет,

Куда позёмка белохвостой змейкой
Бежит вдоль дерева и, прячась за скамейкой,
Подчёркивает сказочный сюжет:
Загадкой белой вьётся Год Змеи
К нам из восточных вековых поверий, –
Что всякий год грядёт в обличье зверя...
Ну, а у нас есть рассказы свои!
Откуда сказочность? От снежной кутерьмы,
От ликованья новогодних елей,
Мы разве в детстве чуда не хотели,
Не жаждали подарков от зимы?
Весёлая синичка под окном
В красивом фартуке и шапочке по моде
В невидимом танце хороводе,
Вертявым хвостиком всем говорит о том,
Что это праздник сердца – Рождество,
Что вскоре вскроются крещенские купели,
Морозы грянут, вьюги да метели,
Открой ладонь – под снег и волшебство...

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:

ПИ №ФС14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России.

Издатель: ИП «Кириллица»

ИНН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динька

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка
и художественное оформление: А. Г. Прокопенко

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350065

г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах

www.sprosia.narod.ru

и Краснодарской краевой универсальной

научной библиотеки им. А. С. Пушкина

www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флер-1»

г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2

Заказ № 94/2

Подписано в печать

в 10.00, 23.01.2013 г.

Тираж: 1000 экземпляров

Цена свободная